

жизельных детерминант для научного творчества лишь в том случае, если они, преломляясь через индивидуальное сознание, превращаются в ценностные ориентиры и установки, цели научной деятельности.

Разработка вопросов социальных основ взаимодействия объекта и субъекта научного творчества имеет особое значение для обеспечения процесса формирования и оптимального использования творческого потенциала личности.

¹ Вопросы философии. 1987. № 1. С. 7.

² Кармин А. С. Познание бесконечного. М., 1981. С. 32.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 640.

⁴ Лекторский В. А. Принцип воспроизведения объекта в знании // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 49.

⁵ Стёпин В. С. Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса // Наука и культура. М., 1984. С. 59.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 36.

⁷ Огурцов А. П. Исторические типы дискуссий и становление классической науки // Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986. С. 59.

⁸ Лакомб П. Социологические основы истории. СПб, 1895. С. 313.

⁹ Гусев Ю. А. Познание и творчество: логико-гносеологические проблемы художественного творчества. Минск, 1987. С. 81.

¹⁰ Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. М., 1984. С. 113.

Е. В. БЕЛЯЕВА

СТАТУС ПОНЯТИЯ «НРАВСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В МАРКСИСТСКОЙ ЭТИКЕ

Понятие «нравственные отношения» прочно вошло в обиход современной этической науки, хотя употребляется еще очень неоднозначно. В настоящий момент стало важным уточнить его содержание и роль как категории, ибо за различным пониманием значения термина скрывается различное решение принципиальных вопросов теории морали. Главный из них: каким образом идеальные взгляды и мотивы воплощаются в поступки, и наоборот, каким образом те или иные действия людей наделяются нравственными характеристиками, т. е. как связаны моральное сознание и его практическая реализация.

Первоначально в этической литературе понятие «нравственные отношения» интерпретировалось как реальное состояние общественных нравов в отличие от идеализированного, желаемого. Предполагалось, что эти отношения в качестве первоочередного предмета исследования практически тождественны всей морали в ее действительном функционировании. В этом случае этика превращается в науку о нравственных отношениях, а последние включают в себя и объективный момент (действия, поведение), и субъективный (сознание, чувства), и даже теоретический момент (т. е. отчасти саму этику)¹. Их содержание совпадает с содержанием морали, а потому понятие «нравственные отношения» теряет собственное значение и оказывается излишним.

В дальнейшем мысль о важности для нравственности реального поведения, а не только должного устроения, стала основой понимания нравственных отношений в качестве практической, деятельностной стороны морали в противовес сознанию. «Мораль как целое делится на нравственное сознание и нравственные отношения, которые обладают признаками материальности... Нравственное сознание является элементом общественного сознания, а нравственная практика (отношения) является элементом общественного бытия»².

На первый взгляд позиция представляется вполне убедительной: нравственная практика (отношения) определяет нравственное сознание и первична по отношению к нему. Но если вдуматься, замечаешь, что мораль здесь разделена на материальную и идеальную составляющие: объективность, внеположенность нравственных отношений моральному сознанию истолкована как их материальность. А это, во-первых, противоречит классической трактовке нравственных отношений как идеологических. Противоречие не случайное, ибо изначально неверно понята идеальная сущность морали. В отличие от материи, способной существовать до и вне сознания, нравственная деятельность и отношения без мораль-

ного сознания невозможны. Потому связь элементов морали носит отнюдь не субстанциональный, а функциональный характер, и потому все они равно идеальны. Материализм состоит не в экстраполяции противоположности материи и сознания на всякую исследуемую область, чтобы внутри нее нечто объявить первичным, а в том, чтобы показать зависимость всех компонентов морали от материальных оснований общественной жизни. Во-вторых, такая позиция не дает ответа на вопрос, каким образом объективная реальность (будь то деятельность или отношения) получает специфическое нравственное значение. Источником последнего становится сознание. Таким образом доказывается обратное тому, что предполагалось: сознание вновь оказалось первичным в морали, субъективная сфера — определяющей; а понятие нравственных отношений, отождествленных с нравственной деятельностью, опять потеряло категориальную специфику.

В основании третьего подхода к пониманию нравственных отношений лежит особая интерпретация природы идеологических отношений. Из известного высказывания В. И. Ленина о том, что они проходят через сознание и волю людей³, делается вывод, что нравственные отношения: а) осознаются, б) творятся сознательно. «Что касается нравственной деятельности и нравственных отношений, то они всегда предварительно осмыслены и являются реализацией определенных идей»⁴. Между тем очевидно, что характер нравственных отношений предстает в сознании их участников зачастую неадекватно, а возможность построения этих отношений по задуманному плану крайне ограничена. Однако вне понятий морального сознания специфику нравственных отношений трудно выявить, потому и представляется, что они «непосредственно определяются содержанием, уровнем и направленностью сознания субъектов данных отношений». «Моральные отношения заключены в самом сознании и лишь через сознание себя и обнаруживают»⁵. Так постепенно нравственное отношение перестает быть общественным отношением между людьми и превращается в особого рода направленность сознания, которое придает нравственный смысл действительности. Откуда же берется в сознании этот моральный способ видения, каково происхождение моральной формы освоения мира? В рамках данного подхода вопрос остается без ответа. Да и нравственные отношения вновь оказываются бессодержательными, их изучение сводится к анализу морального сознания.

Анализ различных концепций показывает, насколько сложна правильная постановка вопроса о статусе категории «нравственные отношения», как непросты проблемы, для решения которых она выдвигается. Тем не менее данная категория имеет существенную значимость, которая обнаруживается только при определенном понимании морали в целом. Чтобы она обрела свое собственное содержание, надо изменить представление о всех трех элементах морали и их соотношении. Дело в том, что сознание, отношения и деятельность — это не три составные части ее структуры, а скорее три стороны, три проявления одного и того же. Если вслед за Э. В. Ильенковым полагать, что сознание (идеальное) не тождественно психике, а следовательно, может существовать объективно как функция движения материального образования в социальном пространстве, движения, в котором объект своей материальной формой представляет общественное отношение людей, то моральное сознание, соответственно, — это проявляющееся в деятельности (поступках) нравственное отношение.

Любое общественное отношение предметно, т. е. особое отношение людей всякий раз представлено в предмете, отличном от них самих. Эту функцию он может выполнять лишь потому, что, необходимо включенный в деятельность, он играет объективную роль — опосредует человеческое взаимодействие. Материальный посредник характерен для общения мыслящих существ, необходим для существования как индивидуального, так и общественного сознания. Через предмет содержание одного сознания делается достоянием другого благодаря тому, что за ним стоит общественное отношение, в которое люди вступили. Точно так же место поступка среди других поступков и социальных явлений делает его носителем особого рода отношений людей, и именно это придает ему специфическое нравственное значение. Таковое значение и есть объективно существующая мораль, действительное моральное сознание общества. Моральные же идеи, мотивы, ценностные ориентации (то, что обычно именуется «мо-

ральным сознанием») вторичны, они являются лишь отражением, т. е. осознанием этих объективно идеальных форм.

При таком понимании структуры морали снимается проблема «взаимопревращения» сознания и поведения. Поведение не «освещается» нравственным сознанием, нравственный статус придается поступку объективной социальной ролью, вписанностью в строй определенных общественных отношений, проступающих в нем. Сознание также не получает моральные свойства свыше, но черпает их из системы нравственных отношений, так как изначально в ней и пребывает как «объективная мыслительная форма».

Исследование нравственных отношений дает возможность рассматривать специфику моральной сферы не через концепты сознания, а через социальные механизмы, порождающие это сознание, т. е. объективно. Таков был метод Маркса, который исключает субъективизм и спасает от логического круга в определении морали. При этом «обнажаются предметности сознания, тождественные особым предметным формам, порождаемым отношениями (общественной) системы, и можно потому на место анализа первых поставить анализ вторых»⁷.

Изучение нравственных отношений дает также основу для научного анализа природы ценности. Нравственной ценностью поступки и явления не обладают от природы и не наделяются ею по субъективному произволу. Они нравственно значимы для человека лишь благодаря стоящим за ними отношениями самих людей, т. е. нравственные отношения, отмеченные в поступке, составляют реальное ценностное содержание действительности, раскрытие которого способствует выявлению объективных оснований нормативных оценок.

Общественные отношения складываются между людьми только в процессе их совместной деятельности. С другой стороны, деятельность определяется общественными условиями своего осуществления. Отношения (и это устоявшаяся в историческом материализме трактовка) служат социальной формой, в которой совершается деятельность, ее социальной схемой, программой, направляют и регулируют поступки человека. «В самом общем виде различие и корреляция между моральными действиями и моральными отношениями — это взаимное соотношение того, что фактически совершается людьми, и того, каким способом поступки людей детерминируются в морали»⁸. Следовательно, разные виды общественных отношений образуют различные виды, способы регуляции, а значит специфика нравственного регулирования неразрывно связана с особенностями соответствующих отношений. Совершенствование же последних — основа для повышения роли морального фактора в детерминации человеческого поведения.

Реальность социального механизма нравственных отношений позволяет ему быть опосредующим звеном между материальными отношениями в обществе и их специфическим отражением в моральных представлениях, убеждениях, чувствах. Это система, преобразующая социальную, экономическую необходимость в значимые для нравственного сознания требования, в необходимость долженствования, преобразующая закономерности исторического развития в закономерности изменения нравов.

Таким образом, интерпретация нравственных отношений как: отношений в сфере идеального; особой связи людей, составляющей социальную форму их деятельности; социального механизма, регулирующего нравственную деятельность, опосредствующего социальную необходимость; отражающегося в мыслительных формах и определяющего закономерности движения последних — намечает плодотворные подходы к разработке таких вопросов, как специфика морали, природа нравственной ценности, особенности нравственной регуляции и ряда других проблем теории морали.

¹ См.: Попелова И. Этика. М., 1965. С. 422—423.

² Сулин Ю. И. О месте морали в системе «общественное бытие — общественное сознание» // Уч. зап. Томского ГУ. Томск, 1972. Вып. 82. С. 74.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 137.

⁴ Гусейнов А. А. О генезисе основных нравственных понятий // Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969. С. 74.

⁵ Архангельский Л. М. Моральное сознание и нравственные отношения // Структура морали и личность. М., 1977. С. 58; Мухортов Н. М. О некоторых особенностях функционирования морали // Социальная сущность, структура и функции морали. М., 1977. С. 87.

⁶ См.: Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал. М., 1984.

⁷ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 19.

⁸ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974. С. 251.

В. А. УНУКОВИЧ

ОТНОШЕНИЕ К. МАРКСА К ГЕГЕЛЕВСКОЙ ПРОБЛЕМЕ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ

Что представляют собой абстракции в логике Гегеля? Как Гегель рассматривает соотношение исторического и логического? Что значит изобразить развертывание действительного противоречия, какова бы ни была его форма? Эти и некоторые другие вопросы гегелевской логики и критическое отношение к ним К. Маркса составляют содержание данной статьи.

Как известно, в гегелевской логике «каждая сфера логической идеи оказывается некой тотальностью определений и неким изображением абсолюта». Гегель начинает изложение со сферы бытия, с определений этой сферы, т. е. с абстракций, или логических категорий, посредством которых изображается движение идеи в данной сфере. «Чистое бытие» и «чистое ничто» образуют начало логики, простейшее логическое отношение, из которого исходит Гегель: **«бытие и ничто суть одно и то же»**. «Но так же, как правильно, что бытие и ничто едины, так же правильно, что они **совершенно различны**, что одно не есть то, что есть другое»¹. Далее, поскольку бытие, лишенное определений, есть ничто, то их единство находит выражение в категории становления. «Да» «чистого бытия» превращается в «нет» «чистого ничто», «нет» «чистого бытия» превращается в «да» «чистого ничто». «Чистое бытие» становится одновременно и «да» и «нет», «чистое ничто» — и «нет» и «да». **«Становление»** — вот истинное выражение результата бытия и ничто»². Этим результатом является наличное бытие.

Наличное бытие — это не пустое бытие, а бытие, имеющее определенность. Определенность наличного бытия как тождественная с бытием и непосредственная определенность есть качество вообще.

Качество, рассматриваемое как непосредственно связанная с бытием определенность, есть реальность. Реальность качества включает в себя отрицание, которое пока есть лишь форма последнего. В наличном бытии, следовательно, отрицание не выступает свободно.

Однако, и это важно отметить, у Гегеля отрицание в наличном бытии указывает на связь этих определений с категориями формы «ничто», которая, таким образом, оказывается не «чистым ничто», а неким наличным бытием. Но это проявление одного вместо другого справедливо только в рамках этого отношения, ибо категории, посредством которых осуществляется логическое движение в форме «ничто», нам пока не известны. Само по себе определение качества здесь еще не дает ответа на то, каким образом мы пришли к такому его определению. Это обстоятельство у Гегеля выражено категорией «в-себе-бытие». Здесь можно, что и делает Гегель, лишь указать, что определение качества и последующее его развитие зависят от развиваемых определений формы «ничто». Сама же развитость качества, его широта, или «бытие-для-другого» фиксируется категорией «нечто», функции которой заключаются в том, чтобы быть конечной и изменчивой.

Если «нечто» изменяется, то оно становится «другим». Налицо диалектика «нечто» и «другого». «Нечто становится неким другим, но другое само есть некое нечто; оно, следовательно, само в свою очередь также становится неким другим и так далее до **бесконечности**»³.

От скуки в этом диалектическом процессе спасает только то, что «конечное» как одно из определений «нечто» переходит в свою противоположность — «бесконечность». Таким образом, внутреннее противоречие, которым якобы наличное бытие страдало с самого начала, разрешается в форме категории «для-себя-бытия». Категория «для-себя-бытие» есть завершенность развития качества. Поэтому как форма бытия оно есть простое отношение с собой, есть завершенность круга формы бытия, а как **«наличное бытие»** оно определено, но теперь эта определенность уже не